

Клайв Стейплз Льюис

Боль утраты

1

Я никогда не думал, что горе похоже на страх. Мне не страшно, но чувства, которые я испытываю, похожи на внезапный испуг: та же внутренняя дрожь, то же беспокойство, постоянная зевота, мне трудно глотать.

Иногда это похоже на легкое опьянение, иногда — замешательство. Как будто между внешним миром и мной существует невидимая мягкая, как одеяло, перегородка. Мне трудно воспринимать то, что говорят окружающие. Вернее, я не желаю слушать их разговоры. Мне не интересно, о чём они говорят. С другой стороны, я хочу, чтобы они говорили исключительно обо мне. Я ненавижу оставаться один в комнате. Вот если бы "они" разговаривали между собой, а не со мной. Бывают моменты, они всегда неожиданные, когда что-то внутри меня пытается уговорить меня, что не так уж всё ужасно, не так безнадежно. Кроме любви в жизни есть другие радости. Ведь был же я счастлив до встречи с Х. У меня есть ещё много, как говорят, источников удовольствия. Брось, не так уж всё плохо. Я немного стыжусь этого внутреннего голоса, но это кажущееся облегчение быстро проходит. Внезапный толчок раскалённой памяти — и весь этот "здравый смысл" улетучивается, как исчезает крохотный муравей в пламени свечи. И меня отбрасывает назад, к слезам и страданию. "Слёзы Магдалины". Иногда я предпочитаю эти моменты агонии, по крайней мере, они честны и чисты. Но это погружение в море жалости к себе, это противное липко-сладкое удовольствие, которое испытываешь при этом, мне отвратительно. Я отдаю себе отчёт даже во время этих приступов, что я искажаю её образ. Стоит только поупиваться этими настроениями буквально несколько минут, и вместо живой женщины я проливаю слезы над куклой. Слава Богу, память о ней так сильна (всегда ли она будет так сильна?), что такие минуты проходят, не оставляя видимых следов. Её ум был сильный и гибкий, как леопард. Ни страсть, ни нежность, ни боль не могли разоружить её разум. Он чуял первые признаки слюней и сентиментальности, вспрыгивал и валил тебя с ног, прежде чем ты успевал сообразить что произошло. Сколько моих мыльных пузырей она моментально прокалывала своей острой булавкой! Я быстро научился не нести вздор, разве только из чистого удовольствия наблюдать её реакцию — и снова горячий раскалённый толчок — быть ранимым и смешным в её глазах. Ни с кем другим я так не боялся показаться смешным.

И никогда ни от кого я не слышал о том, что скорби сопутствует лень. Это не касается моей работы — здесь машина крутится, как обычно — я не способен к малейшему усилию, мне тяжело не только написать, даже прочесть письмо, зачем бриться по утрам, какая разница, гладкое или небритое у меня лицо? Говорят, что несчастный человек жаждет отвлечься, как угодно, лишь бы уйти от себя. Но бывает и так: человек, уставший, как собака, просыпается среди ночи от холода, ему нужно лишнее одеяло, чтобы согреться, но он скорее пролежит всю ночь, трясаясь от холода, чем встанет и достанет это одеяло. Не трудно понять, почему одинокий становится неряшливым, а со временем грязным и отвратительным.

Тем не менее, возникает вопрос: "Где же Бог?" Это самый тревожный симптом. Когда ты счастлив, так счастлив, что не нуждаешься в Нем, ты даже чувствуешь, что обращение к Нему лишь отвлечёт тебя, и если всё-таки ты опомнишься и обратишься к Нему с благодарностью, Он, по крайней мере ты так чувствуешь, принимает тебя с распротёртыми объятиями. Но попробуй обратиться к Нему, когда ты в отчаянии, когда все надежды напрасны, и что тебя ожидает? Двери захлопываются перед твоим носом, и ты слышишь, как дважды поворачивается ключ в замке, гремит засов — и потом тишина. Нечего больше ждать, поворачивайся и отправляйся, откуда пришёл. Окна темны. Похоже, что в доме никого нет. И неизвестно, был ли кто там прежде. Когда-то казалось, да. И прежняя уверенность в том, что дом был населён, была такой же сильной, как теперь — там никого нет. Что это значит? Что означает Его явное присутствие во времена благополучия и полное отсутствие тогда, когда тебе необходима Его помощь в самый тяжелый момент твоей жизни?

Сегодня я поделился этими мыслями с С. Он напомнил мне, что то же самое произошло с Христом: "Почему ты оставил меня?". Я знаю, но от этого не становится легче и понятнее. Я не думаю, что существует опасность утратить веру в Бога. Истинная опасность состоит в возможности поверить в то, что Он — плохой. Я боюсь не того, что я прихожу к выводу "оказывается, Бога нет!", но: "Так вот какой Он, оказывается, и нечего себя обманывать".

Старики покорились и сказали: "Да будет так". Как часто горькую обиду подавляет смертельный страх, и притворная любовь, да, именно притворная, пытается прикрыть истинное чувство ужаса.

Да, проще всего сказать "Бога нет", когда мы больше всего в Нем нуждаемся, потому что Его — нет, Его не существует. Но тогда почему Он есть тогда, когда, если быть откровенным, мы можем обойтись без Него?

Как бы то ни было, в одном я уверен: брак был создан для меня. Я никогда не поверю, что религию придумали, чтобы прикрыть наши бессознательные желания и заменить ею секс. Потому что эти несколько лет, что мы были вместе, мы наслаждались любовью во всех ее проявлениях: временами серьёзные и весёлые, романтически-приподнятые и приземлённые, иногда — иногда драматические, как гроза, временами — удобные и уютные, как домашние шлепанцы. Ни единая крупинка тела и души не остались неудовлетворёнными. Если бы Бог заменял собой любовь, мы по идее должны были бы потерять к Нему всякий интерес. Кому нужна подделка, если у тебя есть подлинник? Но этого не происходит. Мы оба знали, что помимо друг друга нам нужно было что-то ещё, нечто, чему нет названия, какая-то смутная потребность. Другими словами, когда любящие вместе, им больше ничего не нужно, не нужно, к примеру, читать, есть, дышать.

Несколько лет назад умер мой друг, и какое-то время я испытывал сильное чувство уверенности, что он продолжает жить, даже более полноценной жизнью. Я молил Бога, чтобы Он дал мне хотя бы сотую долю такой уверенности после её ухода. И снова никакого ответа. Запертая дверь, железный занавес, пустота — абсолютный нуль. "Тому кто просит, ничего не отпустится". Было глупо и просить. И теперь, даже если похожее чувство уверенности и посетит меня, я не стану ему доверять. Я подумаю, что мои мольбы вызвали самогипноз, не более того.

В любом случае, я постараюсь держаться подальше от спиритов, я ей это обещал, она знала кое-что об этой компании.

На словах легко исполнять обещания, которые ты давал умершему. Но я начал убеждаться, что уважение к воле покойного — ловушка. Вчера, например, я вовремя остановился, прежде чем сказать о какой-то ерунде: "Ей бы это не понравилось". Это несправедливо по отношению к другим. Скоро я начну употреблять "этого бы хотела Х." как инструмент домашней тираннии, её "желания" станут всё более прозрачным прикрытием моих собственных желаний.

Я не могу говорить о ней с детьми. Как только я пытаюсь заговорить о ней, я вижу на их лицах не скорбь, не любовь, не жалость, не страх, но самое фатальное из всех видов "непроводимости" — стыд. По их виду можно предположить, что я совершаю что-то непристойное. Они страстно желают, чтобы я замолчал. То же самое ощущал я, когда после смерти матери мой отец упоминал её имя. Я их не осуждаю. Так уж устроены мальчики.

Иногда я думаю, что стыд, обыкновенное чувство неловкости, бессмысленное смущение часто больше мешают совершать добрые поступки и просто чувствовать себя счастливым, чем что бы то ни было. И не только в юности. Правы ли мальчики? Что бы подумала сама Х. об этой ужасной тетради, к которой я всё время возвращаюсь? Не отвратительны ли эти записи? Когда-то я прочёл такую фразу: "Всю ночь я провел без сна, думая о зубной боли и о бессоннице". Это очень похоже на жизнь. Часть любого страдания является тенью или отражением этого страдания. Факт тот, что ты не просто страдаешь, но и одновременно *думаешь* о том, что ты страдаешь. Я не только проживаю каждый бесконечный день, испытывая горе, но каждый день я живу, думая о том, что каждый прожитый день я испытываю горе. Может быть, эти записи только усугубляют мои страдания? Просто подкрепляют монотонное, как движение мельницы, кружение мыслей вокруг одного и того же. Но что же мне делать? Мне нужно какое-то лекарство, чтение — недостаточно сильная пилюля.

Записывая все свои мысли (нет, лишь одну сотую), мне верится, что я как-то отвлекаюсь. Так бы я оправдывался перед Х. Но скорее всего она нашла бы слабое звено в моей защите.

Дело не только в мальчиках. Странный продукт моей утраты — это то, что я полностью осознаю, что у всех, кого бы я ни встретил, я вызываю смущение. На работе, в клубе, на улице я встречаю знакомых, которые подходя ко мне, на ходу пытаются быстро сообразить, надо ли заговаривать со мной об "этом". Я ненавижу, когда они заводят разговор об "этом" и не переношу, когда они избегают этой темы. Некоторые просто стараются увильнуть. Р. избегает меня уже целую неделю.

Больше всего мне нравятся хорошо воспитанные юноши, почти мальчики, которые подходят ко мне, как входят на прием к зубному врачу, жутко краснеют, стараются побыстрее отделаться, а потом, когда самое неприятное позади, быстро и по возможности соблюдая приличия, исчезают в дверях бара. Может быть, людей, потерявших близких, следует изолировать и помещать в специальные заведения типа лепрозория?

В некоторых я вызываю кое-что похуже смущения. Для них я тень самой смерти. Когда бы я ни сталкивался со счастливой женатой парой, я знаю, о чём они думают, глядя на меня: "Один из нас когда-нибудь будет на его месте".

Сначала я опасался посещать наши любимые места, где мы с ней были счастливы когда-то — наш любимый паб, парк. Однажды я решился сразу, как посылают в полёт пилота после того, как он побывал в аварии. К моему удивлению, никакой разницы. Её отсутствие в этих местах ощутимо не более, чем повсюду. Оно не имеет привязанности к определённому месту. Думаю, если тебе вдруг запретят употреблять в пищу соль, ты не будешь замечать её нехватку в одном

блюде больше, чем в другом. Весь процесс еды будет другим, каждый день, любая пища. Это так просто. Весь жизненный процесс изменился. Её отсутствие — как небо, распростёршееся надо всем.

Хотя нет, это не совсем так. Есть одно место, где её особенно не хватает, и этого места мне не избежать, ибо это я сам, моё тело. Когда-то оно было значительно, так как оно было телом возлюбленного Х. Теперь же моё тело — опустелый дом. Однако зачем обманывать себя? Я знаю, наступит время, и моё тело обретет былую важность для меня, и я даже забуду, что с ним было что-то неладно.

Рак, рак и рак. Моя мать, отец, жена. Кто следующий? — думаю я. Тем не менее, Х., умирая от рака и зная это, призналась, что она больше не чувствует прежнего ужаса. Когда это стало реальностью, сама идея и имя болезни до какой-то степени утратили силу. И какое-то время я почти понимал её. Это очень важно. Мы никогда не переживаем просто Рак, Войну или Несчастье (также и счастье). Мы живём одним часом, одной минутой. Взлёты и падения. Лучшие времена омрачены множеством мелких несчастий, и наоборот, самые тяжёлые скрашиваются хорошими счастливыми минутами... Мы никогда не осознаём до конца воздействия того или иного события в нашей жизни, мы даём ему название, которое в корне неверно. Сама жизнь — взлёты и падения, остальное — чистая идея.

Сейчас даже не верится, что мы бывали счастливы и веселы тогда, когда не оставалось никакой надежды. Как долго, содержательно и насыщенно проговорили мы в последнюю ночь!

Хотя нет, мы были не совсем вместе. Есть граница, за которой это уже не твоя "плоть". Невозможно до конца разделить слабость, страх и боль другого существа. То, что переживает другой, конечно, ужасно. Может быть, вам так же плохо, как близкому вам человеку, но я бы не стал особенно доверять тому, кто настаивает на этом. Всё-таки разница есть. Ибо, говоря о страхе, я имею в виду животный страх, смертный ужас, охватывающий весь организм перед концом, удушье — ощущения крысы в мышеловке. Этот ужас нельзя разделить ни с кем. Сознание страдает, тело страдает меньше. Уж, по крайней мере, телесная близость знакома любой любящей паре. Весь любовный опыт тренирует два тела переживать не идентичные, но дополняющие друг друга, взаимосвязанные, даже если и противоположные чувства.

Мы оба знали это. Я испытывал свои собственные, а не её страдания, у неё были свои, а не мои. Конец её страданий означал лишь "совершеннолетие" моих. Мы пошли дальше каждый своей дорогой. Эта леденящая душу правда, это ужасное правило уличного движения ("Вам, мадам, направо, а вы, сэр, следуйте налево") — лишь начало разлуки, которая есть сама смерть. Эта разлука ожидает всех. Я думал, почему именно нам с ней так фатально не повезло, нас разлучили. Но, полагаю, все любящие думают так про себя, оказавшись в такой же ситуации.

Однажды она сказала мне: "Если мы даже умрём в один день и в один час, лежа рядом, всё равно это будет та же разлука, которой ты так боишься". Разумеется, она не знала больше, чем я. Но она была ближе к смерти, и ей было легче попасть в цель. Она часто цитировала: "Один ты пришел в этот мир и один уйдешь". И она говорила, что она это чувствовала.. И было бы совершенно невероятно, если бы было иначе. Нас свело время, пространство и плоть, мы общались друг с другом, как по телефонным проводам, стоит перерезать один проводок — и связь прервана. Так или иначе, должен же когда-нибудь прерваться

наш разговор? Если только не предположить, что этот вид связи заменяется совсем другим, но достигающим той же цели. Спрашивается, зачем же было разрушать старый способ?

Бог — не клоун, который вытаскивает из-под носа тарелку супа, чтобы тут же подsunуть другую тарелку того же супа. Даже природа не устраивает такие фокусы, она никогда не повторяет дважды одну мелодию.

Очень трудно выносить тех, которые говорят: "Смерти нет" или "Смерть не имеет значения". Смерть есть, и она имеет значение, и её последствия неизбежны и непоправимы. С таким же успехом можно сказать: "Рождение не имеет значения".

Я гляжу на ночное небо. Ни в чём я так не уверен, как в том, что никогда, ни в каком времени и пространстве я больше не увижу её лица, не услышу её голос, не коснусь её. Она умерла. Она мертва. Неужели так сложно это понять?

У меня не осталось ни одной её хорошей фотографии. Когда я пытаюсь вспомнить её лицо, мне не удастся его увидеть отчётливо в моем воображении. А вот лицо абсолютно незнакомого человека, мелькнувшее в утренней толпе, я вижу с безошибочной точностью, стоит мне закрыть глаза. Несомненно, на это есть простое объяснение. Мы видим лица тех, кто нам ближе и дороже всех, в разных ситуациях, под разными углами, в разном освещении, с разными выражениями, мы видим их, когда они гуляют, спят, плачут, едят, говорят, задумываются — и все эти разнообразные выражения смешиваются в нашей памяти и сливаются в неясное расплывчатое пятно. Но голос её я слышу так явственно. Иногда, вспоминая её голос, я могу разрыдаться как малое дитя.

2

Впервые за это время я решился перечитать свои записи. Мне стало неприятно. Читая эти записи, можно подумать, что её смерть не имеет значения сама по себе, а важно лишь то, как она повлияла на меня. Сама Х. как бы выпала из поля зрения. Как я мог забыть, с какой горечью она восклицала: "Как много еще осталось всего, ради чего так хочется жить!"

Счастье пришло к ней довольно поздно. Она могла прожить ещё 1000 лет и никогда бы не заскучала. Её вкус ко всем удовольствиям чувства, разума и духа никогда не притуплялся. Она наслаждалась всеми радостями жизни, как никто другой, кого я знал. Она была как голодный, перед которым поставили изобильную еду и сразу же отобрали. Рок, судьба (или как это называется) обожает дарить огромные возможности, чтобы затем обмануть ожидания. Бетховен оглох... Как ни посмотри, всё это смахивает на злую шутку, фокус злобного кретина.

Я должен думать больше о Х. и меньше о себе. Звучит неплохо. Но тут есть загвоздка. Я думаю о ней постоянно. Я вспоминаю, как она выглядела, как она разговаривала, как она двигалась. Но все эти факты и детали отбирает и сортирует мой разум. Меньше месяца прошло после её смерти, и я уже чувствую, что начался медленный процесс превращения живой Х. в придуманную мною женщину. И это несомненный факт. Я больше не буду ничего выдумывать (по крайней мере, надеюсь). Но что, если мои записи всё равно будут всё больше и больше сосредоточиваться на моей персоне? Нет больше самой реальности, которая меня могла вовремя одёрнуть, как это делала, всегда неожиданно, живая Х, будучи самой собой, а не мной.

Самый ценный дар, который мне дала женитьба, — это то, что рядом со мной всегда было существо, очень близкое, тесно связанное со мной и в то же время отличное от меня и даже сопротивляющееся, одним словом — сама реальность. Неужели весь этот труд пойдет насмарку? Неужели я допущу, чтобы Х. будет уходить всё дальше и дальше, пока не станет не более чем одним из снов, которые меня посещали в молодые годы, когда я был еще не женат?

О, родная моя, вернись хоть на минуту и прогони этот страшный призрак! О, Господи, зачем Ты приложил столько стараний, чтобы вырвать это существо из его оболочки, если его затягивает, засасывает назад?

Сегодня мне надо было встретиться с человеком, которого я не видел 10 лет. Все эти годы я считал, что я прекрасно его помню — его внешность, манеру говорить, его любимые словечки. Но в первые же пять минут реальный человек полностью разрушил живущий в моей памяти образ. Это не значит, что он сильно изменился. Наоборот, я мысленно говорил себе: "Да, конечно, конечно, я просто забыл, что он думал о том-то, как он не любил того-то, что он знал о том-то, или его манеру откидывать назад голову". Но его облик за эти 10 лет потускнел и вылинялся в моей памяти, и когда я увидел реального человека, я был поражён удивительной разницей. Могу ли я надеяться, что этого не произойдет с моей памятью о Х.? Что это уже не началось? Медленно, бесшумно, как падают на землю снежные хлопья, и снег будет идти всю ночь — хлопья моего воображения, моей избирательной памяти будут накрывать её образ... И в конце концов полностью погребут под собой реальные очертания. Всего 10 минут, 10 секунд — и реальная, живая Х. могла бы всё исправить. Но даже если бы мне были даны эти 10 секунд, в следующую же секунду снова начнут падать хлопья. И острый, грубый, очищающий вкус её уникальности снова исчезнет.

Какое жалкое лицемерие — говорить: "Она будет вечно жить в твоей памяти". Жить? Вот именно жить-то она и не будет. С таким же успехом можно, как древние египтяне, забальзамировать умершего и думать, что он будет всегда с нами. Что ещё может убедить нас, что их нет, они ушли, исчезли навсегда? Что осталось? Труп, память и (в некоторых вариантах) привидение. Всё это — издевательство и ужас. Три разных слова, которые означают одно: она умерла. Я любил Х. Я не хочу любить мою память о ней, её образ, существующий в моём собственном воображении. Это будет что-то вроде инцеста.

Я хорошо помню, как я был неприятно поражён в одно прекрасное утро много лет назад. Полнокровный жизнерадостный работяга с лопатой и лейкой в руках вошёл в церковный дворик и, закрывая за собой ворота, крикнул через плечо своим приятелям: "Скоро вернусь, я только маму навещу!" Он имел в виду, что он польёт цветы и приберёт могилу матери. Меня всё это ужаснуло, подобное проявление чувств, вся эта кладбищенская ерунда всегда и до сих пор мне ненавистны и совершенно неприемлемы.

Но в свете моих теперешних мыслей я начинаю задумываться: если некоторые (я — нет) могут принять и понять поведение этого парня, то, пожалуй, можно немало сказать в защиту такой позиции. Клумба 6 на 8 футов стала мамой, символом, тем, что связывает его с ней. Ухаживание за могилой означает навещать маму. Может быть, это в какой-то мере лучше, чем хранить и ласкать образ, запечатлённый в моем воображении, в моей памяти? Могила или образ, в принципе, одно и то же: нити, связывающие с необратимым, символы невообразимого. К тому же мысленный образ имеет дополнительный недостаток — он делает всё, что ты пожелаешь, он будет улыбаться или хмуриться, будет нежным, весёлым, грубым, может спорить с тобой — всё зависит от твоего настроения. Ты — кукольник, дёргающий за веревочки. Конечно, это не совсем так. Память ещё свежа, подлинные невольные

воспоминания, слава Богу, возникают неожиданно и вырывают веревочки из моих рук. Но роковая подчинённость образа, полная зависимость от меня со временем будут возрастать. С другой стороны, могильная клумба — это упрямая, упорная, часто несговорчивая часть действительности, каковой, не сомневаюсь, была его мама при жизни. Кстати, такой же была Х.

Или есть. Могу я, положила руку на сердце, сказать, что я верю, что она — есть? Большинство моих знакомых, с которыми я встречаюсь, скажем, на работе, уверены, что её больше нет. Естественно, они не делятся этой точкой зрения со мной, во всяком случае, пока. Что думаю я сам? Я всегда молился за упокой души неблизких мне людей, я молюсь за них и теперь. Но как только я пытаюсь помолиться за Х., что-то меня останавливает. Мною овладевают смущение и замешательство, я чувствую нереальность происходящего, как будто я произношу слова в пустоту, и всё, о чём я говорю, плод моего воображения. Объяснение достаточно простое. Вы никогда не знаете, насколько сильно вы верите во что бы то ни было, пока истинность вашей веры не станет вопросом жизни или смерти. Легко утверждать, что данная верёвка достаточно крепкая, если вы собираетесь обвязать ею коробку. Но, предположим, на этой же веревке вам предстоит повиснуть над пропастью. Вот тут-то вы и поймете, насколько вы уверены в крепости вашей веревки. Так же и с отношениями между людьми. Долгие годы я полагал, что полностью доверяю Б. Р. Но вот наступило время, когда мне надо было решить, доверить ли ему важный секрет. Тут-то я понял цену своего "безграничного доверия". Я понял, что я никогда не доверял ему до конца. Сила истинной веры проверяется только испытанием на риск. Вероятно, моя вера (я думал, что я верю) позволяла мне молиться за чужих мне людей и казалась истинной, потому что, по большому счету, я был равнодушен к их судьбе.

Но тут возникают другие сложности. Где она сейчас? Вот именно, где она находится в данный момент? Если она покинула свое тело, а тело, которое я так любил, несомненно, больше не является ею, значит её нет нигде. Ведь "настоящее время" — это дата или определенная точка во времени, в котором мы проживаем. Как если бы она уехала куда-нибудь без меня, и я бы задумался, взглянув на часы: "Интересно, доехала ли она уже до Юстона?" Но если она не существует в одном с нами временном отрезке, где одна минута состоит из 60-ти секунд, как для всех живущих, что значит "сейчас"? Где разница между "был", "есть" и "будет"?

Мои добрые знакомые утешают меня: "Она теперь с Богом". Это верно в какой-то степени. Она, также как и Бог, недоступна и не поддается никакому воображению.

Но я полагаю, как бы ни был важен этот вопрос сам по себе, всё это не имеет отношения к горю, которое я испытываю.

Предположим, те несколько лет земной жизни, которые мы провели вместе, были только началом, или прелюдией, или земным проявлением двух невообразимых, сверхкосмических бессмертных творений. Эти "творения" можно представить себе в виде сфер или шаров, и там, где космическое тело Природы пролетает сквозь них, оно рассекает их на две половинки, две полусферы, которые и соприкасаются на время своего земного существования. Но именно этого я жажду, именно это я оплакиваю, именно этого мне так не хватает, двух половинок круга, за пределами их соприкосновения.

Вы мне говорите: "Она продолжает существовать", но моя душа, моё тело, всё моё существо зывают: "Вернись, вернись ко мне, будь этим кругом, соприкоснись с моим на космическом корабле Природы!" Но я знаю — это невозможно. Я хочу того, чего я никогда не получу. Старая добрая жизнь, шутки, споры, бокал вина, до боли знакомая обыденная жизнь. С какой

стороны ни посмотри, "Х. умерла" означает "Всё это умерло с нею". Это стало частью прошлого. И прошлое — это прошлое, это прошедшее время, ещё одно название смерти или самих небес, где находится всё то, что было и умерло.

Поговорите со мной о религиозной истине, и я с удовольствием послушаю. Говорите о религиозном долге, я покорно выслушаю. Но не пробуйте говорить со мной о том, что религия утешает, иначе я подумаю, что вы меня просто не понимаете.

Конечно, если вы буквально верите во встречу с родными и близкими в загробном мире, которое люди воображают совершенно по-земному, это меняет дело. Однако этого не подтверждают никакие тексты, всё почерпнуто из плохих гимнов и дешевых литографий, в Библии об этом ничего не сказано. Да и звучит совсем уж неправдоподобно. Действительность никогда не повторяется. Нельзя отнять что-то, а потом вернуть в том же виде. Спиритуалисты живо заглазывают приманку: "Всё там совершенно такое же, как здесь". В Раю тоже курят сигары. Вот чего бы нам хотелось. Реставрировать прошлое счастье.

Именно этого хочу и я, об этом плачу по ночам, шепча в пустоту страстные мольбы.

Как цитирует бедный С., "не оплакивайте тех, у кого не осталось надежды". Меня поражает, как мы прилагаем к себе слова, адресованные лучшим из нас. То, что говорит св. Павел, может утешить тех, кто любит Бога больше, чем умерших, а мёртвых больше, чем самого себя. Когда мать оплакивает свое дитя, она скорбит не по ребенку, которого потеряла, а по тому, что потерял её ребенок, утешение она находит в вере, что её дитя обрело другую жизнь, оно не утратило своего предназначения навсегда. Но утешение также в её вере, что потеряв самое дорогое существо, смысл своего существования, она не утратила самого главного, она надеется "прославлять Бога и находить в Нём вечную радость". Утешение матери в вечном Божественном духе, который будет с ней всегда. Но нет утешения её материнству. Радости материнства отняты у неё навсегда. Никогда и нигде не подержит она сына на коленях, не искупает его, не почитает ему сказку, не помечтает о его будущем, никогда не увидит своих внуков.

Мне говорят: "Ей сейчас хорошо", мне говорят: "Она успокоилась". Откуда у них такая уверенность? Я не хочу сказать, что я боюсь самого худшего. Чуть ли не последние её слова были: "Я в мире с Богом", а она не всегда была с Ним в мире. И она никогда не лгала. И её было трудно обмануть, особенно, если этот обман был в её пользу... Я не говорю, что она солгала. Но откуда они взяли, что со смертью кончаются все страдания? Половина христианского мира и миллионы верующих на Востоке уверены в обратном. Откуда они знают, что она успокоилась? Почему разлука, которая так ужасна для оставшегося, не должна приносить боль ушедшему?

"Потому что она сейчас в руках Бога". Но если на то пошло, она и раньше была в руках Бога, и я видел, что с ней сделали. Что, к нам вдруг относятся более милосердно, как только мы покидаем брэнное тело? Если доброта Бога неразрывно связана с причинением боли, это значит, либо Бог злой, либо — Бога нет: ибо в единственной жизни, которая нам дана, Он причиняет такие запредельные страдания, которые даже невозможно себе вообразить. Если Он заставляет нас так страдать при жизни, то Он может вполне причинять невыносимую боль и после смерти.

Иногда сразу напрашивается: "Бог простил Богу". Но если мы истинно верим, то ведь Он не простил, Он распял Его.

Нечего себя обманывать, мы от этого ничего не выиграем. Мы обречены страдать, и это неизбежно. Действительность, если прямо взглянуть ей в глаза, невыносима. Как и почему она и здесь и там расцвела и выросла в ужасный феномен, называемый осознанием? Почему она вызвала к жизни нас, которые видим эту действительность и содрогаемся от ужаса? Кто (ещё не знакомый с нею) захочет не только увидеть её, но и приложить все старания, чтобы её найти, даже если в этом нет никакой необходимости и даже если лишь один взгляд на неё оставляет в наших сердцах незаживающую язву? Кто? Такие, как сама Х., которая всегда хотела знать правду любой ценой.

Если Х. больше нет, то её никогда не было. Я ошибся, приняв облако атомов за живого человека. Людей не существует и никогда не существовало. Смерть просто обнажает вечную пустоту, которая была всегда. С тех, которых мы считаем живыми, ещё просто не сорвана маска. Все банкроты, но некоторые ещё не объявили банкротства. Однако и это полная бессмыслица: пустота там, где никого никогда не было? Объявить себя банкротом — кому? Другим скоплениям искорок или соединениям атомов? Я никогда не поверю, а ещё точнее, не могу поверить, что один набор физических превращений можно заменить или по ошибке принять за другой.

Нет, меня пугает не материализм. Если бы материалисты были правы, мы, вернее, то что мы принимаем за "мы", могли бы избежать мучений, проще простого — проглотить горсть снотворного. Я больше боюсь другого — что мы крысы в мышеловке, или того хуже, лабораторные крысы. Кто-то, помнится, сказал: "Бог всегда приумножает". А что если Бог занимается вивисекцией?

Рано или поздно, пытаясь найти ответ, я буду вынужден взглянуть правде в глаза и задать этот вопрос на простом человеческом языке.

Что, кроме нашего собственного отчаянного желания, оправдывает нашу веру в милосердие Бога? Весь наш опыт утверждает обратное. Что мы можем на это возразить?

Мы возражаем — а сам Христос? Но вдруг и Он ошибся? Его последние слова могут иметь простое объяснение. Он понял, что Бог-Отец совсем не такой, каким Он должен быть. Ловушка, которую заранее тщательно продумали, приготовили и искусно подложили приманку, наконец, сработала — на кресте. Злобный розыгрыш удался.

Почему все мои молитвы застревают в горле и все надежды кажутся тщетными — потому что я всё ещё прекрасно помню, как мы с ней страстно молились и напрасно надеялись. Надеялись не только потому что мы хотели надеяться, но и потому что нам давали, даже навязывали надежду: ошибочными диагнозами, рентгеновскими снимками, внезапными улучшениями состояния, которые воспринимались как чудо. Шаг за шагом нас вели по "тропе цветущего сада", и раз за разом, когда Он, казалось, был особенно милосерден, на самом деле, у Него уже была наготове очередная пытка.

Это я записал вчера ночью. Это была даже не мысль, а скорее, вопль. Попробую еще раз. Разумно ли верить, что Бог жесток? Неужели Он может быть таким жестоким? Что, Он — космический садист, злобный кретин?

Если подумать, это уже чистая антропология, это еще глупее, чем представлять Его в виде доброго царя с длинной бородой. Этот образ — типичная модель Юнга. Этот облик сближает

Бога с добрыми мудрыми сказочными королями, добрыми волшебниками, фокусниками и героями народных сказаний. Формально мы представляем Его человеком, но в то же время предполагается высшее существо, и уж по крайней мере, мы представляем кого-то, кто старше нас, мудрее нас, знающего гораздо больше того, что доступно нашему воображению. Сохраняется тайна. И тем самым остается место для надежды. Следовательно, и для страха, и не просто опасения, что с тобой сыграют злую шутку. Вчера ночью я представлял себе кого-то, похожего на С.С. — когда-то он был моим соседом по столу и за ужином любил рассказывать, что он сегодня проделывал с кошками. Если Он такой же как С.С. (пусть это сильное преувеличение), то, конечно, Он не способен ничего ни создать, ни управлять чем бы то ни было. Он мог бы только расставлять капканы с приманками. Но Он бы никогда не додумался о таких приманках, как любовь, смех, нарциссы или закат солнца в морозный день. И Он создал вселенную? Такое существо не способно просто пошутить, или поклониться, или принести извинения или завести друга.

Можно ли всерьёз рассматривать идею недоброго Бога, как бы с "чёрного хода", в духе крайнего кальвинизма? Вы можете возразить, что мы все погрязли в грехе. Мы настолько грешны, что наши представления о добре и зле ничего не стоят, хуже того, то, что мы считаем добром, может оказаться злом в чистом виде. Если наши худшие опасения подтверждаются, тогда Бог обладает всеми качествами, считающимися дурными: безрассудность, тщеславие, мстительность, несправедливость, жестокость. Но то, что нам видится чёрным, на самом деле белое. Наша собственная греховность окрашивает всё в чёрный цвет.

Ну, и что с того? Все наши рассуждения и предположения уничтожают саму идею существования Бога. Само определение "добрый" становится бессмысленным, как, скажем, "абракадабра". Нет никакого основания Ему повиноваться, даже бояться Его не стоит. Да, Он угрожает, Он даёт обещания. Но зачем им верить? Если жестокость Он считает милосердием, то и ложь — добро. Если это так, то какая разница? Если Его идея добра так отличается от того, что мы считаем добром, тогда Его рай — это по-нашему ад и наоборот. Наконец, если сама реальность в корне не имеет для нас никакого смысла, или другими словами, мы полные идиоты, какой смысл пытаться раздумывать о Боге, или вообще о чём бы то ни было? Этот узел всё равно развязывается, как ни пытаешься его затянуть.

Как я смею даже думать о подобной гадости и ерунде? Может быть, я надеюсь, что если чувства настолько искажены, то я буду меньше чувствовать? Не являются ли мои записи бессмысленными попытками человека, не желающего примириться с фактом, что единственный способ прекратить страдания — это принять и перестрадать их? Кто всё ещё надеется, что существует какое-то средство от боли, нужно только хорошенько поискать? Что бы мы ни делали в зубоврачебном кресле, хватаем ли врача за руки или смиренно сидим, сложив руки на коленях, сверло продолжает сверлить.

А горе по-прежнему похоже на страх, вернее, ужас. Или ожидание, будто сидишь и ждёшь, что вот-вот случится что-то ужасное. Вся жизнь приобретает постоянный привкус временности. Не стоит ничего начинать. Я никак не могу уgomониться, меня одолевает зевота, я не могу найти себе места, я слишком много курю. До сих пор мне вечно не хватало времени, теперь в жизни не осталось ничего, кроме времени. Чистое время, пустое бесконечное время.

Единая плоть. Или, если вам больше нравится, другое сравнение — корабль. Потерян мотор с правого борта, я — оставшийся мотор с левого борта, должен как-то дошлепать до пристани. Вернее, пока не закончится плавание. Как я смею даже мечтать о пристани? Скорее всего меня встретит пронизанный ветром пустынный берег, чёрная ночь, оглушающий

грохот шторма, впереди показались сваи, а мелькнувший на берегу огонёк — скорее всего, размахивающий фонарем пьяный забулдыга. Так выглядит её подход к берегу. Такой же был у моей матери. Я называю это — их подход к берегу, а не прибытие.

3

На самом деле я думаю о ней не всё время. Например, во время работы или разговора это просто невозможно. Но эти периоды, когда я не думаю о ней, пожалуй, хуже всего. Потому что ещё даже не осознав причины, я чувствую, что мне не по себе, мне чего-то не хватает. Бывают такие сны, в которых вроде бы не происходит ничего страшного, ничего значительного, о чём можно было бы рассказать за завтраком, но в то же время вся атмосфера сна, особый привкус кошмара оставляют впечатление ужаса. Также и здесь. Я замечаю, что ягоды рябины начинают краснеть, и на секунду не могу сообразить, почему именно рябина ввергает меня в депрессию. Слышу бой часов, и в нём чего-то не хватает, какой-то не такой звук. Что случилось с миром, почему всё выглядит таким плоским, бесцветным, изношенным? И тут я вспоминаю.

Вот ещё что меня пугает. Природа возьмёт свое, постепенно утихнет мучительная боль, пройдут ночные кошмары, но что потом? Просто апатия, мертвая скука? Наступит ли когда-нибудь время, когда я перестану вопрошать, почему весь мир превратился для меня в убогую улочку, потому что грязь и мерзость запустения стали для меня нормой? Неужели за скорбью следует скука с налётом лёгкой тошноты?

Чувства, чувства и чувства. Начну-ка я думать. Если трезво подумать, что нового привнесла смерть Х. в моё восприятие мира? Какое основание для сомнений в том, во что я всегда верил? Мне прекрасно известно, что каждый день во всём мире умирают люди, происходят вещи и пострашнее. Должен сказать, что я это учитывал, меня предостерегали, да я и сам себя предостерегал — не рассчитывай на всемирное счастье. Более того, страдания предусмотрены, они — часть плана. Нам было сказано: "Благословенны те, кто скорбят", и я соглашался с этим. Я не получил ничего, чего бы я не ожидал. Конечно, большая разница, когда это случилось с тобой, а не с другими, и не в воображении, а в действительности. Да, но как может человек в здравом уме понять эту разницу? Тем более, если его вера была истинной и его сочувствие к горестям других было искренним? Объяснение достаточно простое, даже слишком. Если мой дом рухнул от одного дуновения, значит, это был картонный домик. Вера, которая "всё принимала во внимание", была воображаемой. "Принимать во внимание" не значит "сопереживать". Если бы меня действительно волновали чужие горести, как я полагал, я не был бы так придавлен собственным горем. Это была воображаемая вера, играющая с безобидными фишками, на которые наклеены бумажки со словами: "болезнь", "боль", "смерть" и "одинокость". Я верил, что моя верёвка достаточно крепка, пока это было не так уж важно, но когда встал вопрос, выдержит ли она мой вес, выяснилось, что я никогда и не верил в её крепость.

Любители бриджа утверждают, что надо непременно играть на деньги, иначе теряется интерес. Так же и здесь. Если вы ничего не ставите на кон, то и неважно, есть Бог, нету Бога, милосердный Он, или злобный космический садист, есть ли вечная жизнь или её нет. И вы никогда не осознаете, насколько это для вас важно, пока не начнете играть не на фишки и не на шестипенсовики, а поставите на кон всё, что имеете, до последнего пенни. Только это может встряхнуть такого, как я, и заставить пересмотреть свои взгляды, начать думать и верить по-новому. Такому требуется дать хорошего тумака, чтобы привести в чувства. Иногда правды можно добиться только пытками, и только под пытками ты сам узнаешь правду.

Я должен признаться (сама Х. добилась бы этого признания в два счета), что если мой дом построен из карт, чем скорее его развалить, тем лучше. И развалить его может только страдание. И тогда все рассуждения о Космическом садисте и Вечном вивисекторе становятся бессмысленной и никчёмной гипотезой.

Не говорит ли моя последняя запись о том, что я неизлечим, даже когда реальность разбивает мою мечту на мелкие куски, я всё равно продолжаю хандрить, запутываю все ещё больше, пока ещё не прошёл первый шок, а уж потом тупо и терпеливо начинаю склеивать осколки. И так будет всегда? Каждый раз, когда разваливается мой домик, я должен строить его заново? Не этим ли я занимаюсь сейчас?

Конечно, не исключено, что как только произойдёт то, что я называю "восстановлением веры", окажется, что это очередной картонный домик. Я не узнаю этого до очередного шелчка, скажем, когда я сам заболею неизлечимой болезнью, или грянет война, или я погублю себя, совершив какую-нибудь ужасную ошибку на работе. Но возникают два вопроса: в каком смысле это можно назвать картонным домиком, потому что то, во что я верю, всего лишь сон, или мне только снится, что я верю?

Если посмотреть правде в глаза, на каком основании можно больше доверять тому, что я думал неделю назад, чем тому, что я думаю теперь? Я почти уверен, что, в основном, я сейчас более нормален, чем был в первые недели. Как можно доверять отчаянному воображению человека, находящемуся в полубессознательном состоянии, как после сотрясения мозга?

Потому лишь, что тут не было никакой попытки выдавать желаемое за действительное? Потому что мои мысли были настолько ужасны, что именно поэтому они скорее всего наиболее приближаются к истине? Ведь исполниться могут не только приятные, но и страшные сны. Так уж они были отвратительны? Нет, мне они даже по-своему нравились. Я отдаю себе отчёт, что я слегка сопротивляюсь более приятному варианту. Все мои рассуждения о Космическом Садисте были скорее всего не отражением мыслей, а выражением ненависти. Я получал от них мстительное удовольствие, единственное удовольствие, доступное человеку, испытывающему мучения, — удовольствие дать сдачи. Просто оскорбительное ругательство — выложил Богу начистоту всё, что я о Нём думаю. И конечно же, как всегда, оскорбив кого-нибудь в сильных выражениях, добавляешь: "Я на самом деле сам не верил в то, что говорил". Я только хотел оскорбить Его и Его последователей. Подобные высказывания всегда доставляют некоторое удовольствие. Высказал всё, что накипело. После этого чувствуешь себя получше некоторое время.

Но настроение ещё не доказательство. Конечно, кошка будет визжать и царапаться, пытаясь вырваться из рук ветеринара, а если удастся, то и укусит. Вопрос в том, кто он: врачеватель или вивисектор. Поведение кошки не проливает света на этот вопрос.

Я могу поверить в то, что Он — врачеватель, если я думаю о моих собственных страданиях. Сложнее, когда я думаю, как страдала она. Муки горя не сравнить с физической болью. Только дураки утверждают, что моральные страдания во сто крат страшнее физических. Разум всегда обладает способностью восстанавливаться. Самое худшее, что может произойти, — тяжёлые мысли возвращаются снова и снова, но физическая боль может быть абсолютно бесконечной. Горе — это бомбовоз, летающий кругами и сбрасывающий очередную бомбу, описав очередной круг и возвращаясь к цели. Физические страдания подобны постоянному огневому валу в окопах первой мировой войны, обстрелы, длящиеся часами, без передышки. Мысли не бывают статичными, тогда как боль часто статична.

Что из себя представляет моя любовь, если я думаю больше о своих, а не её страданиях? Даже мои безумные мольбы "вернись, вернись!" — прежде всего то, чего я хочу для себя. Я никогда не задумывался, если бы такое оказалось возможным, было ли бы это хорошо для неё? Я хочу её возвращения ради восстановления моего прошлого. Для неё я не мог пожелать ничего худшего: испытать смерть и вернуться на землю, чтобы снова, пусть позже, пройти через умирание? Первым мучеником считается Стефан, может быть, мучения Лазаря были похуже?

Я начинаю понимать. По силе моя любовь к ней была приблизительно такой же, как моя вера в Бога. Правда, не буду преувеличивать. Насколько моя вера была воображаемой, а любовь эгоистичной, знает только Бог. Я не знаю. Может, слишком сильно сказано, особенно, что касается моей любви. Но ни то, ни другое не было, как я полагал, истинным, и в том и в другом было довольно много от карточного замка.

Какая разница, как я скорблю и что я делаю со своим горем? Какая разница, как я её помню и помню ли вообще? Ничто не облегчит её прошлых страданий. Прошлых страданий. Откуда я знаю, что все её страдания в прошлом?

Я никогда не верил, считая это абсолютно невероятным, что самая преданная Богу душа немедленно, как только из горла умирающего вырвется последний хрип, обретает мир и покой. Поверить в это теперь — это выдавать желаемое за действительное. Х. была яркой личностью, прямая, светлая душа, как шпага из закалённой стали. Но она не была святой. Грешная женщина, замужем за грешным мужчиной. Два пациента Бога, которых ещё надо излечить. Я знаю, требуется не только осушить слезы, но и отчистить пятна, чтобы шпага заблестала ещё ярче.

Но пожалуйста, о, Боже, осторожнее, осторожнее. Месяц за месяцем, неделю за неделей Ты растягивал её бедное тело на дыбе, когда она ещё в нём находилась. Не хватит ли?

Самое ужасное, что совершенный милосердный Бог в данном случае ничуть не лучше Космического Садиста. Чем больше мы верим, что Бог причиняет боль только для того, чтобы излечить, тем меньше мы надеемся, что он услышит наши страстные мольбы быть "поосторожней".

Жестокого можно задобрить взяткой, или он сам, наконец, устанет от своего утомительного занятия, или на него может найти неожиданный приступ милосердия, как у алкоголика вдруг наступает период трезвости. Но предположим, что вы имеете дело с искусным хирургом, у которого самые лучшие намерения. Чем он добросовестней и добрей, тем безжалостней он будет резать. Если он приостановится в ответ на ваши мольбы, или вообще прекратит операцию, не закончив, то все страдания, которые вы испытали вплоть до этого момента, окажутся напрасными. Но так ли уж необходимы эти запредельные пытки? Что ж, решайте сами, на выбор. Мучения неизбежны. Если они бессмысленны, значит нет никакого Бога, а если Он есть, то Он злой. Но если Бог есть и Он справедлив, значит, пытки необходимы. Потому что никакое хотя бы мало-мальски порядочное существо не допустило бы ненужных страданий.

В любом случае, мы обречены страдать.

Что имеют в виду те, что говорят: "Я не боюсь Бога, потому что я знаю, что Он милосерден"? Они никогда не бывали у зубного врача?

Там не менее страдания нестерпимы. И ты лепечешь: "Если бы я смог принять эти муки, пусть самые ужасные, вместо неё". Но никто не знает, насколько серьёзна такая высокая ставка, потому что в действительности ты ничем не рискуешь. И если бы такая возможность вдруг представилась, мы бы открыли для себя, насколько серьёзно мы были готовы к такой жертве. Да и позволен ли нам подобный выбор?

Это было позволено только Одному, сказано нам, и я снова начинаю верить, что Он сделал всё возможное во искупление грехов. Он отвечает на наш лепет: "Ты не можешь и не смеешь. Я мог и я посмел".

Сегодня утром случилось нечто неожиданное. По многим причинам, которые сами по себе отнюдь не таинственны, я почувствовал какую-то лёгкость на сердце, чего не чувствовал много недель. Во-первых, я думаю, что начинаю приходить в себя физически после огромного напряжения и усталости. Накануне я проработал 12 часов и не очень устал, ночью неплохо поспал; после двух недель низкого серого неба и неподвижной влажной духоты, вдруг выглянуло и засияло солнце, подул свежий ветерок, и вдруг в тот самый момент, когда я впервые за всё это время тосковал о ней меньше, я вспомнил её особенно хорошо. И это, действительно, было нечто, почти лучше чем воспоминание; какое-то внезапное и необъяснимое видение. Сказать, что я увиделся с нею, было бы чересчур, тем не менее напрашиваются именно эти слова. Как будто кто-то приподнял завесу горя, и исчез разделявший нас барьер.

Почему мне никто не говорил обо всём этом? Как легко я осудил бы другого в такой же ситуации? Я мог бы сказать: "Он оправился после своей утраты. Он стал забывать свою жену", а истина вот в чём: "Он помнит её лучше, потому что он частично оправился". И это факт. Мне кажется, я могу объяснить, почему это имеет смысл. Вы не можете ясно видеть, если ваши глаза затуманены слезами. И вы никогда не получите именно того, чего вы хотите, если вы слишком сильно хотите, а если даже и получите, то не сумеете толком распорядиться полученным.

"Нам необходимо серьёзно поговорить" — подобное вступление заставляет всех погрузиться в молчание. "Сегодня я непременно должен хорошенько выспаться" — и вы, скорее всего, проведете бессонную ночь. Лучшие напитки бездарно переводятся, когда испытывают особенно мучительную жажду. Не происходит ли то же самое, когда мы думаем о наших умерших, и именно из-за нашего отчаяния опускается железный занавес, и нам кажется, что мы взираем в пустоту? Те, кто просит (тем более, кто очень просит), ничего не получают. И возможно, не сумеют.

И так же, наверное, с Богом. Постепенно я начал ощущать, что дверь приоткрыта, нет больше замка и засова. Может, моя отчаянная нужда была виновна в том, что дверь захлопнули перед моим носом? Может быть, как раз тогда, когда ваша душа вопит о помощи, Бог не может дать её вам? Так же, как тонущему трудно помочь, если он барахтается и хватается за всё подряд. Может быть, вы оглохли от своих собственных воплей и поэтому не слышите голоса, который жаждете услышать?

С другой стороны, "стучи, да отверзнется". Но "стучать" не значит барабанить и пинать двери ногами, как безумный. И ещё: "Воздастся тому, кто имеет". Прежде всего, нужно обладать способностью получать. Если у вас нет этого умения, то никто, даже самое могущественное

существо, не сможет вам ничего дать. Может быть, именно страстность вашего желания временно разрушает вашу способность получать.

Любые ошибки возможны, когда вы имеете дело с Ним. Очень давно, когда мы ещё не были женаты, однажды утром, когда она собиралась на работу, её вдруг охватило необъяснимое чувство, что Он находится здесь, рядом, буквально за её плечом, как бы требуя её внимания. Конечно, не будучи святой, она подумала, как водится, что от неё требуется исполнить какой-то долг или в чём-то покаяться. Наконец, она сдалась — мне известно, как мы стараемся это отсрочить — и предстала пред Ним. Оказалось, наоборот, Он хотел воздать ей, и её мгновенно наполнила радость.

Мне кажется, я начинаю понимать, почему горе похоже на ожидание страха. Потому что нарушение целого комплекса самых разных импульсов становится привычным. Каждая моя мысль, каждое чувство, каждое движение души были связаны с Х. Она была их мишенью, её нет больше. Я по привычке беру свой лук, прилаживаю стрелу, натягиваю тетиву и вдруг вспоминаю... и кладу лук на место. Столько дорог могут привести меня к ней. Я же упорно иду единственной, одной из многих. Но я наткнулся на пограничный заслон, дальше ходу нет. Передо мной открывалось столько дорог; теперь, куда не повернись — сплошной тупик.

Ибо хорошая жена соединяет в одном лице всех, кто тебе необходим на жизненном пути. Кем она для меня не была? Она была мне дочерью и моей матерью, моей ученицей и моим учителем, моей слугой и моим господином. И всегда, соединяя в себе все эти качества, она еще была мне верным товарищем, другом, спутником, однополчанином. Моей возлюбленной; и в то же время она давала мне все то, чего мне не могла дать никакая мужская дружба (а у меня было немало друзей). Более того, если бы мы никогда не влюбились друг в друга, мы всё равно были бы всегда вместе и наделали бы много шума. Это я имел в виду, когда однажды похвалил её за "мужские достоинства". Она немедленно заставила меня замолчать, спросив, как мне понравится, если она сделает комплимент моим женским качествам. Это был хороший ответный выпад, моя дорогая. Но, тем не менее, было в ней что-то от амазонки, от Пентесилии и Камиллы. И ты, как и я, гордилась этим и была рада, что я заметил и оценил это.

Соломон называл свою жену Сестрой. Можно ли считать женщину совершенной женой, если хоть один раз, в определённый момент, в определенном настроении, мужчина не почувствует потребности назвать ее Братом?

Меня всё время тянет сказать о нашем браке: это было слишком хорошо, чтобы продолжаться вечно... Хотя на это можно посмотреть по-разному. Если посмотреть пессимистически — как только Бог увидел, насколько счастливы Его создания, Он сразу решил положить этому конец. "Не разрешается!". Так хозяйка званого вечера, пригласившая вас на шерри, немедленно разлучает двух гостей, как только те увлеклись по-настоящему интересным разговором. А с другой стороны, это может означать: "Они достигли совершенства. Это стало тем, чем должно было стать. Посему дальше продолжать не имеет смысла". Как будто Бог сказал: "Молодцы! Вы достигли мастерства. Я очень вами доволен. А теперь переходим к следующему упражнению". После того как вы научились решать квадратные уравнения, вам даже нравится их решать, но тема пройдена, учитель переходит к очередному материалу.

Потому что мы выучили что-то и достигли какой-то цели. Между мужем и женой всегда происходит скрытая или явная борьба полов, до тех пор, пока совместная жизнь не стирает все противоречия. Считать женскую верность, прямоту и храбрость признаками мужественности — такое же высокомерие, как нежность и чувствительность мужчины

называть женственностью. Какой же несчастной и извращённой частью человечества должно быть большинство мужчин и женщин, допускающих подобную самонадеянность! Брак излечивает её. Соединяясь в браке, двое сливаются в одно полноценное человеческое существо. "Он сотворил их по образу своему и подобию". Как это ни парадоксально, но торжество сексуальности приводит нас к тому, что гораздо выше пола.

И вот один из них умирает. И мы думаем, что любовь срезали на корню; так танец прерывается посреди па, или сорван только распутившийся цветок, что-то вмешивается извне и нарушает естественное развитие вещей. Не знаю. Если, как я упрямо предполагаю, мёртвые испытывают боль разлуки не меньше, чем живые (это может быть одним из испытаний, которым мы подвергаемся в чистилище), тогда для всех любящих без исключения горе — универсальная и неотъемлемая часть любовного опыта. Оно следует за браком так же, как брак является естественным следствием периода ухаживания, как осень сменяет лето. Это не конец процесса, а очередная его фаза, не прерывание танца, а следующее па. Мы отдаем часть самого себя своей любимой, пока она жива. Затем мы начинаем исполнять следующее, трагическое па нашего танца, когда мы должны научиться отдавать часть самих себя, несмотря на то, что исчезла телесная оболочка партнера, научиться любить саму суть покойного, а не нашу память, или собственное горе, или освобождение от него, или нашу собственную любовь.

Теперь, когда я возвращаюсь мыслями назад, я вижу, что совсем недавно я был больше всего озабочен памятью и опасениями, не обманывает ли она меня. Непонятно почему (единственное, что приходит на ум — Божеское милосердие), я перестал об этом беспокоиться. И что интересно, как только меня перестал занимать этот вопрос, я стал встречать её на каждом шагу. "Встречать" — может, слишком сильно сказано. Я не имею в виду, что я вижу её или слышу её голос, ничего подобного. Я даже не имею в виду особенно сильное эмоциональное переживание в какие-то определенные моменты. Скорее, это постоянное неясное, но глубокое чувство, что она всегда со мной — факт, который требуется принять во внимание. "Принять во внимание" — возможно, неудачная формулировка. Звучит так, как будто она была этаким бой-бабой. Как бы выразиться поточнее? Как насчёт "серьёзная реальность", "упрямая реальность"? Как будто всё пережитое говорит мне: "Так уж случилось, что ты страшно рад, что она — есть. Но помни, она есть и будет всегда, хочешь ты этого или не хочешь. Твои желания в расчёт не принимаются".

Ну, и к чему я пришел? К тому же, что и любой другой вдовец, который остановится, облокотившись на свой заступ, и скажет: "благодарю Тебя, Господи. Я не должен жаловаться. Я тоскую по ней безмерно. Но сказано — испытания ниспосланы нам". Мы пришли к тому же самому: простой парень со своей лопатой и я, который вообще не мастер копать, ни лопатой, ни чем бы то ни было. И, безусловно, то, что нам "ниспослано испытание", нужно правильно понимать. Бог не пытается проверить, насколько истинна или сильна моя вера или любовь, Он это и так знал. Этого не знал я. Он сажает нас одновременно на скамью подсудимых, место свидетеля и в кресло судьи. Он знал с самого начала, что мой храм — это карточный домик. И единственный способ заставить меня это понять — развалить его.

Так быстро пережить горе? Но слова двусмысленны. Скажем, больной оправился после операции по поводу аппендицита. Совсем другая история, если ему ампутировали ногу, после такой операции либо культя заживёт, либо больной умрёт. Если рана заживёт, утихнет невыносимая и бесконечная боль. Больной окреп и ковыляет на своей деревянной ноге. Он поправился. Но он наверняка будет испытывать боли в культе всю оставшуюся жизнь, и временами довольно сильные. Он всегда будет одноногим. Вероятнее всего, он не забудет об этом ни на минуту. Для него изменится всё: как он будет умываться,

одеваться, садиться и вставать, даже лежать в постели он будет по-другому. Вся его жизнь изменилась. Он лишился многих удовольствий и занятий, которые раньше принимал как должное, даже обязанности его изменились. Я сейчас только учусь пользоваться костылями. Может, со временем мне выдадут протез. Но у меня уже никогда не будет двух ног.

Всё же я не стану отрицать, что в каком-то смысле я "чувствую себя лучше" и это ощущение связано с чувством стыда, будто я был обязан лелеять и разжигать в себе свое горе и оставаться несчастным. Я когда-то читал об этом, но никогда не предполагал, что это произойдет и со мной. Уверен, что Х. этого бы не одобрила, она бы сказала, что это глупо. И я почти уверен, что этого не одобряет Бог. Что скрывается за этим?

Отчасти, безусловно, тщеславие. Мы хотим доказать самим себе, что мы возлюбленные в самом высоком смысле, трагические герои, а не простые рядовые в огромной армии лишившихся своих близких, плетущиеся с трудом и просто старающиеся выжить. Но и это не объясняет всего.

Думаю, тут еще и путаница в мыслях. На самом деле, мы не хотим продолжения этих мук горя, которые мы испытываем в первые недели после смерти близких, этого не хочет никто. Мы хотим, чтобы наша скорбь была чем-то вроде часто повторяющегося симптома, и мы путаем симптом с самой болезнью. Прошлой ночью я записал, что горе после потери супруга не есть конец любви, а её очередная фаза, как медовый месяц. Мы хотим пройти эту фазу, сохраняя нашу любовь и верность. И если это доставляет нам боль (что, безусловно, правда), мы должны принять эту боль как неотъемлемую часть данной фазы. Мы не хотим избежать боли, скажем, ценой развода. Это значило бы убить мёртвого еще раз. Мы были одной плотью. Теперь, когда половину её отрезали, мы не станем притворяться, что мы по-прежнему единое целое. Мы по-прежнему муж и жена, мы по-прежнему любим и поэтому мы по-прежнему будем испытывать боль. Но мы, конечно же, если хорошо понимаем самих себя, не хотим этой боли ради самой боли. Чем меньше болит, тем лучше, тем крепче брачные узы. И чем больше остается радости между мёртвым и оставшимся жить, тем лучше.

Лучше во всех смыслах. Потому что, как я обнаружил, страстность нашего горя не приближает нас к умершим, а наоборот, отдаляет от них. Это становится для меня все яснее и яснее. Когда я меньше всего горюю — чаще всего по утрам, принимая ванну — она врывается в мои мысли, во всей своей реальности и уникальности. Совсем не так, как в самые плохие моменты, когда мое отчаяние заставляет видеть всё в одном ракурсе и придает всему излишнюю жалостность, напыщенную торжественность, а когда она является сама, во всей своей правде. Такие моменты самые лучшие и освежающие.

Я помню, хотя сейчас не могу припомнить точно, откуда, что в разных народных сказаниях и балладах мёртвые не хотят, чтобы мы горевали по ним, они умоляют нас перестать оплакивать их. Смысл этого может быть гораздо глубже, чем я думал. Если это так, значит, наши деды заблуждались. Все эти (иногда всю оставшуюся жизнь) траурные ритуалы — посещение могил, отмечание годовщин, или когда оставляют нетронутой комнату покойного, чтобы "всё было, как при нём", никогда не упоминают его имени, или упоминают, но особым голосом, или даже готовят покойному наряд (как королева Виктория) каждый вечер перед ужином — всё это отдает мумификацией. Это делает мёртвых еще более мёртвыми. Может, это и было (пусть бессознательно) целью? Тут срабатывает что-то очень примитивное. Пусть мёртвые остаются мёртвыми, для примитивного разума дикаря важно быть уверенным, что они незаметно не пробрались в мир живущих. Любой ценой заставить их оставаться там, где им надлежит быть. Безусловно, все эти ритуалы подтверждают смерть.

И может быть, именно такой результат желателен, по крайней мере, для тех, кто совершает эти ритуалы.

Но я не имею права их осуждать. Все это лишь догадки. Я бы лучше побеспокоился о себе. У меня, как ни посмотреть, простая программа. Я буду по возможности часто обращаться к ней с радостью. Я буду приветствовать её, смеяться. Чем меньше я оплакиваю её, тем я к ней ближе. Программа, достойная восхищения. К сожалению, невыполнимая. Сегодня снова возвратились адские муки первых дней; безумные слова, горькое чувство обиды, внутренняя дрожь где-то в животе, нереальность ночного кошмара, я захлебываюсь слезами. Ибо горе никогда "не стоит на месте". Ты только вышел из очередной фазы, но возвращаешься в неё, снова и снова. Всё повторяется. Смею ли я надеяться, что я двигаюсь не по кругу, а по спирали?

А если по спирали, то вверх или вниз?

Как часто (будет ли это всегда?) ощущение пустоты будет ошеломлять меня, как будто это происходит впервые, и заставит меня воскликнуть: "Никогда, вплоть до этого самого момента я не осознавал всего ужаса моей потери"? Снова и снова отрезают мне ту же ногу. Снова и снова я чувствую, как нож режет мою плоть.

Говорят, трус умирает много раз, это можно сказать и о смерти близкого. Находил же орёл каждый раз новую печень у Прометея, снова и снова вырывал и поедал её?

4

Это четвертая и последняя чистая тетрадь, которая нашлась в доме, почти чистая, если не считать нескольких страниц, заполненных рукой Дж. древними арифметическими упражнениями. Я решил для себя, закончится тетрадь, и я прекращу свои записи. Я не буду специально покупать новые блокноты. До сих пор эти записки служили мне спасением от полного краха, моим последним прибежищем, они в какой-то мере помогали мне. С другой стороны, выясняется, в их основе заключена какая-то путаница... Я полагал, я могу описать состояние, начертить географическую карту своего страдания. Но оказалось, горе — это не состояние, а процесс. Тут нужна не география, а история. И если я не перестану писать эту историю, поставив произвольную точку, то тогда нет никакого резона останавливаться. Ведь каждый день происходит что-то новое, что требуется занести в дневник. Горе — как длинная извилистая долина, где за каждым поворотом вам открывается новый ландшафт, но, как я уже говорил, это не обязательно, иногда, наоборот, за очередным поворотом вас ожидает сюрприз другого рода: повернув, вы с изумлением обнаруживаете, что вы оказались в том же самом месте, которое вроде бы прошли несколько часов назад. Вот тут вы начинаете задумываться, может это вовсе не долина, а траншея в виде замкнутого круга. Нет, это не так, если даже что-то и повторяется, то в другой последовательности.

Вот, например, ещё одна новая фаза, новая потеря. Я стараюсь побольше гулять, глупо даже пытаться заснуть, если хорошенько не устанешь. Сегодня я решил навестить любимые места, по которым я бродил часами в холостые годы. На этот раз лицо природы не выглядело пустым и лишённым красоты, мир больше не казался убогой улочкой (как я жаловался буквально несколько дней назад). Наоборот, каждый вновь открывшийся вид, каждый куст или группа деревьев наполняли меня прежним счастьем, какое я испытывал до встречи с Х. Но это приглашение к счастью показалось мне ужасным. Счастье, которое мне предлагалось, не имело вкуса. Я понял, что не хочу такого счастья. Меня пугает сама возможность возвращения в прошлое. Такая участь — самая ужасная из всех возможных — достичь

состояния, когда любовь и женитьба в ретроспективе оказываются всего лишь милым эпизодом — как праздник, ненадолго нарушивший привычную, монотонную жизнь, который закончился, и я снова такой, каким был, неизменившийся, обыкновенный. И со временем, прошедший праздник кажется далёким и нереальным, настолько инородным в самой ткани моей истории, что кажется, всё это было не со мной, а с кем-то другим. Это значило бы, что она умерла для меня второй раз, и эта потеря была бы ещё страшнее, чем первая. Что угодно, только не это.

Дано ли тебе знать, любимая, что ты унесла с собой, когда покинула меня? Ты унесла с собой мое прошлое, даже то прошлое, которое у меня было до встречи с тобой. Я ошибался, считая, что моя культя заживает после ампутации. Я был обманут, ибо есть столько видов боли, что раз за разом она застает меня врасплох.

Зато я сделал для себя два важных открытия — я, правда, слишком хорошо себя знаю, чтобы поверить, что польза от них будет "продолжительной". Мой разум, обратившись к Богу, больше не упирается в закрытую дверь; обращаясь к Х., он не встречает абсолютную, как прежде, пустоту, я больше не озабочен тем, как мысленно вызвать её образ. Мои записи не отражают всего процесса, как я надеялся, а лишь отдельные моменты. Может быть, эти изменения трудно уловить. Это не было внезапным озарением и полной эмоциональной перестройкой. Так, к примеру, нагревается холодная комната, или светлеет поутру, когда впервые обращаешь внимание, что заметно потеплело или посветлело, оказывается, что теплее и светлее становилось постепенно, до того как ты это заметил.

Я писал о себе, и о Х., и о Боге. Именно в этом порядке. Такой порядок и такие пропорции как раз абсолютно недопустимы. Ни разу мне не пришло в голову воздать им хвалу. А это было бы весьма полезно для меня. Хвала — это одно из проявлений любви, вносящее в неё какой-то элемент радости. И восхвалять нужно в следующем порядке: Его как дарующего и её как дар. Ведь, воздавая хвалу, мы в какой-то степени получаем удовольствие от предмета восхваления, как бы далеко от нас он ни был. Я должен чаще воздавать хвалу. Я утратил способность испытывать наслаждение, которое давала мне Х. И я так заблудился в своих сомнениях, что лишил себя радости, которую (если Его милосердие безгранично) мог иногда получать от Бога. Воздавая хвалу, я могу в какой-то степени радоваться ей, и в то же время, в какой-то степени радоваться Ему. Это лучше чем ничего.

Но возможно, я лишен этого дара. Я как-то сравнил её со шпагой. До какой-то степени это верно. Но по сути совершенно не соответствует истине и вводит в заблуждение. Тут требуется сохранять равновесие. Мне надо было добавить: "Но в то же время она как цветущий сад, как лабиринт, садовая куща, стена в стене, загородь за загородью, чем дальше в него углубляешься, тем больше тайны, больше благоухающей и плодоносящей жизни".

И восхваляя и всё созданное Богом, я должен воскликнуть: "Хвала тебе, Господи, ибо всё это создал Ты!"

И восхваляя сад, мы славим Садовника, восхваляя меч — кузнеца, что выковал его. Хвала Жизни, дающей жизнь, и Красоте, дарящей красоту.

"Она в руках Господних". И когда я сравниваю её со шпагой, это сравнение наполняется новой энергией. Может быть, земная жизнь, которую я с ней делил, была лишь частью искушения. Может быть, Он уже берется за эфес новой шпаги и размахивает ею в воздухе, вызывая молнии. "Настоящая иерусалимская сталь".

Вчера ночью был один момент, который нельзя описать словами, можно только привести какие-то сравнения. Представьте себе человека в крошечной тьме. Он думает, что находится в каком-то подвале или в темнице. И вдруг послышался непонятный звук. Он предполагает, что звук доносится откуда-то издалека — то ли шум волн, то ли шелест деревьев на ветру, а может, кипит чайник где-то в полумиле от него. Если он всё это слышит, следовательно, он не в подвале, а на воле, он свободен. Или этот звук где-то рядом, это чей-то сдавленный смех. Если это так, значит, он не один, рядом с ним во тьме — друг. В любом случае, это добрый звук. Я всё-таки не сумасшедший, чтобы считать, что это переживание что-нибудь доказывает. Это лишь попытка представить некую идею, которую я всегда допускал теоретически, идея состоит в том, что я, как и любой смертный, могу неправильно понять ситуацию, в которой нахожусь.

Пять чувств; неизлечимо абстрактное мышление; избирательная наугад память; целый набор предубеждений и ничем не обоснованных предположений, — их столько, что я могу исследовать лишь некоторую, самую малую часть, а иногда даже не подозреваю о их существовании. Какую же часть реальности способен пропустить через себя столь несовершенный аппарат?

Я постараюсь, насколько смогу, не залезать в дебри. Всё сильнее и сильнее меня одолевают два очень разные убеждения. Одно из них — Вечный Ветеринар — гораздо более жестокий и безжалостный, чем мы можем себе представить в самом худшем воображении.. Второе — "всё будет хорошо, всё будет хорошо, всё будет прекрасно"

Не важно, что у меня не осталось удачных фотографий X. Не имеет значения — почти никакого — если её образ в моей памяти несовершенен. Изображения, запечатлены они на бумаге или в нашей памяти, не важны сами по себе. Они лишь немного похожи на оригинал. Проведите параллель на более высоком уровне. Завтра утром священник даст мне маленькое кругленькое, тонкое, холодное и безвкусное печенье. Хорошо это или плохо, что облатка даже приблизительно не напоминает то, с чем она меня воссоединяет? Мне нужен Христос, а не что-то, что его напоминает. Мне необходима сама X., а не что-то, похожее на неё. По-настоящему хорошая фотография со временем может стать ловушкой, ужасом и помехой.

Изображения, наверное, полезны, иначе они не были бы так популярны. (Не имеет значения, существуют ли статуи и картины вне нашего разума, или являются образными конструкциями внутри него). Лично я считаю, что их опасность более чем очевидна. Изображения святого становятся святыми изображениями, они сами становятся святынями. Моя идея Бога — не идея божественности. Она должна время от времени подвергаться сомнению. Он сам расшатывает её. Он сам великий иконоборец. Не является ли постоянное сомнение одним из признаков Его существования? Прекрасный пример — инкарнация, она не оставляет камня на камне от ранних идей пришествия Мессии. Большинство людей иконоборство оскорбляет, благословенны те, кого оно не задевает. Но то же самое происходит, когда мы творим свои собственные молитвы. Сама реальность является иконоборческой. Ваша земная возлюбленная даже при жизни постоянно торжествует над вашей идеей о ней. Вы именно этого и хотите; вы хотите именно её, с её сопротивлением, её ошибками, её недостатками, с её непредсказуемостью. Вот именно: живую, настоящую её, а не её изображения или память о ней, мы продолжаем любить и после её смерти.

Но "это" пока не поддается воображению. В этом отношении она и все мертвые подобны Богу. В этом отношении продолжать любить её в какой-то мере всё равно как любить Его. И в том и в другом случае я должен простирать руки любви — глаза любви тут не годятся —

навстречу реальности, наперекор и сквозь зыбкую фантазмагорию всех моих размышлений, страстей и воображения. Я не должен оставаться с самой фантазмагорией и поклоняться ей вместо Него, или любить её вместо Х. Не мою идею Бога, а самого Бога. Не мою идею Х., а её самое. Да, и также не идею соседа, а самого соседа. Не совершаем ли мы ту же ошибку по отношению к живым, даже к людям, находящимся рядом с нами в той же комнате? Разговариваем ли и ведем себя, будто мы имеем дело не с самим человеком, но с его образом — почти точным, созданным нашим воображением? И разница между истинным и воображаемым нами человеком становится довольно разительной, прежде мы себе в этом, наконец, признаемся. В реальной жизни (а не в романах), если внимательно присмотреться, он в своих высказываниях и поведении выходит из "характера", из того, что мы называем его характером. Он всегда неожиданно выкладывает карту, о которой мы и не подозревали.

Я полагаю, что я неправильно оцениваю окружающих на основании того факта, что они совершают ту же ошибку по отношению ко мне. И все мы думаем, что раскусили друг друга.

Может оказаться, что все это время, в очередной раз, я складывал карточный дом. Если это так, то Он снова развалит его одним щелчком. И будет делать это каждый раз, когда сочтёт необходимым. Если только не убедится, что я неисправим, и я не окажусь в аду, где буду вечно строить карточные дворцы, "свободный среди мертвых".

А что, если я и прихожу постепенно к Богу, то лишь в надежде, что Он приведёт меня к ней? Но при этом я прекрасно понимаю, что нельзя использовать Бога как путь для достижения своей цели. Он должен быть целью, а не средством, Он — конец пути, а не сам путь, иначе вы никогда не приблизитесь к Нему. Это и есть главная ошибка разных популярных картинок, изображающих счастливые воссоединения с родными и близкими "в запредельном будущем", ошибка не в самих простых и очень земных образах, а в том факте, что то, что они называют окончанием пути, на самом деле лишь промежуточный пункт на пути к истинному концу.

О, Боже, неужели только на этих условиях? Неужели я смогу встретиться с ней, если только я возлюблю Тебя так, что мне станет всё равно, встречусь ли я с ней или нет? Подумай, о, Господи, ведь именно так это видится нам. Что можно было бы подумать обо мне, если я сказал бы детям: "Никаких конфет! Вот вырастите большими и перестанете их хотеть, тогда вы сможете есть столько конфет, сколько угодно!"

Если бы я точно знал, что нас разлучили навечно, и что она навсегда забыла о моем существовании — но это принесет ей радость и успокоение, я бы, конечно, сказал: "Пожалуйста, я согласен, валяйте!" Так же, как если бы в земной жизни я мог бы излечить ее от рака, согласившись никогда больше не увидеть её, в ту же секунду я бы устроил всё возможное, чтобы никогда больше её не видеть. Я бы должен был согласиться, как любой порядочный человек. Но, к сожалению, мне не дано этого выбора.

Когда я задаю все эти вопросы Богу, я не получаю ответа. Но это не прежнее "ответа не будет!". Это не захлопнутая перед носом дверь. Скорее, это спокойный, явно без всякого сочувствия, взгляд. Как будто Он покачал головой не в знак отказа, а как бы не желая обсуждать вопрос. Как бы говоря: "Успокойся, дитя мое, ты не понимаешь". Может ли смертный задавать Богу вопросы, на которые Он не считает нужным отвечать? И очень даже просто, думаю я. Бессмысленные вопросы не требуют ответа. Сколько часов в одной миле? Желтый цвет круглый или квадратный? Боюсь, что добрая половина наших великих теологических и метафизических проблем подобна этим вопросам.

А если хорошенько подумать, то передо мной вообще не стоит никаких практических задач. Я знаю две великих заповеди и буду-ка их и придерживаться. С её смертью ушла одна проблема. Пока она была жива, она практически могла быть для меня важнее Бога, я мог делать то, чего хотела она, а не Бог; если бы возник вопрос выбора. Теперь я оказался перед лицом проблемы, где я ничего не могу поделать. Остался только груз чувств, мотивов и прочее того же рода. С этим я должен разобраться сам. Я не верю, что это проблема Бога.

Дар Бога. Свидание с умершими. Сколько я ни размышляю, ничего не приходит на ум, кроме ассоциации с игральными фишками. Или незаполненными чеками. Моя идея, если это можно назвать идеей, что фишки — это рискованная попытка экстраполирования всего нескольких очень коротких земных эпизодов. И подозреваю, что эти эпизоды не самые значительные, может быть даже менее важные, чем те, которые учитываю я. Идея пустого чека — тоже экстраполирование. В реальности и то и другое (попытка выиграть или получить наличные по чеку), вероятнее всего, разобьёт вдребезги все идеи, касающиеся и фишек и чеков (более того, соотношение обеих идей между собой).

Мистическое воссоединение, с одной стороны. Воскрешение из мёртвых, с другой. Я не могу достичь хотя бы намёка на образ, или найти формулу, или даже только почувствовать, что их объединяет. Их объединяет реальность (и нам дано это понимание). Реальность — ещё один иконоборец. Да, небеса разрешат все наши проблемы, но, думаю, не демонстрируя искусное сглаживание всех наших явно противоречивых представлений, нам с нашими представлениями сразу выбьют почву из-под ног. Мы увидим, что и проблемы-то никакой не было.

И снова не раз возникнет то же самое переживание, которое мне никак не удастся описать, кроме как сравнить с приглушенным смехом в темноте. Догадка, что единственно верный ответ — сокрушающая и обезоруживающая простота.

Часто мы думаем, что мёртвые нас видят. И заключаем из этого — неважно, имеются ли на это основания, — что если это правда, то они видят нас более ясно, чем при жизни. Видит ли теперь Х., сколько пены и мишуры было в том, что мы оба называли "моей любовью"? Да будет так. Смотри изо всех сил, родная. Я не стану ничего от тебя утаивать, даже если бы мог. Мы не идеализировали друг друга. У нас не было секретов друг от друга. Ты знала все мои слабости. И если сейчас, оттуда ты увидишь что-нибудь похуже, я могу это принять. И ты тоже можешь. Отчитать, объяснить, подразнить, простить. Потому что одно из чудес любви — то, что она дарит обоим, в особенности, женщине, способность видеть партнера насквозь, несмотря на околдованность любовью, в то же время не освобождаясь от её чар.

В какой-то степени это способность всё видеть как Бог. Его любовь и Его знание неразделимы и неотделимы от Него самого. Мы всегда можем сказать: Он видит, потому что любит, и любит, потому что видит.

Иногда, о, Господь, мы склонны спросить у Тебя, если Ты хотел видеть нас чистыми, как лилии, то почему Ты не создал мир, подобный лилейному лугу? Я полагаю, потому что Ты поставил великий эксперимент. Хотя нет, Тебе не нужны эксперименты, Ты и так всё знаешь. Скорее это было великим предприятием: создать организм, но в то же время дух, создать ужасный оксюморон, "духовное животное". Взять бедное примитивное создание, существо с обнажёнными нервными окончаниями, с желудком, постоянно требующим пищи, животное, которому требуется самка, чтобы размножиться, и приказать: "Теперь живи сам. И стань богом."

В одной из предыдущих тетрадей я написал, что если бы мне вдруг было представлено что-нибудь хоть отдалённо похожее на доказательство существования X., я бы всё равно не поверил. Проще сказать, чем сделать. Даже сейчас, после того, что я испытал прошлой ночью, я не собираюсь рассматривать это как свидетельство связи с ней. Но само "качество" переживания, хоть оно ничего не доказывает, стоит того, чтобы попытаться его описать. Оно было начисто лишено каких-либо эмоций. Это было ощущение, будто её разум на какой-то момент столкнулся с моим. Именно разум, а не "душа", то, что мы обычно считаем душой. Абсолютная изнанка того, что мы называем "слияние душ". Совсем не пресловутая встреча двух любящих, скорее, похоже на телефонный звонок или телеграмму от нее, с каким-то известием или распоряжением. Никакого конкретного сообщения — просто ум и внимание. Не было ощущения радости или печали, ни любви в обычном смысле, ни отсутствия любви. Никогда до сих пор я не мог вообразить, что мёртвый может быть таким, что ли, деловым. И в то же время я ощутил необыкновенное чувство бесконечной и радостной близости. Близости, не имеющей отношения ни к чувствам, ни к эмоциям.

Если это и были отголоски моего бессознательного состояния, то моё "бессознание" оказывается по своей глубине гораздо интереснее, чем представляют себе психологи. Прежде всего, оно гораздо менее примитивно, чем мое сознание.

Неважно, что это было, но мой разум просветлел, как дом после генеральной уборки. Такими и должны быть мёртвые — чистый разум. Любой греческий философ не удивился бы тому, что я испытал. Он бы и не ожидал ничего иного: если что-нибудь и остается после нашей смерти, то именно это — разум. До сих пор такая идея бросала меня в дрожь. Отсутствие эмоций отвращало меня. Но при моём контакте (не знаю, реальном или воображаемом) я не почувствовал никакого отвращения, так как понял, что эмоции здесь больше не нужны. Это была полная, бесконечная близость, всеобъемлющая и оздоравливающая, но лишённая чувств. Может быть, эта близость и есть сама любовь, которой в жизни всегда сопутствуют эмоции, не потому, что любовь сама по себе является чувством, или потому, что она всегда сопровождается эмоциями, но потому, что наша живая душа, наша нервная система, наше воображение поневоле должны по-своему реагировать на любовь? Если это так, то сколько ещё предрассудков мне следует отменить! Общество или коммуна, где царит чистый разум, не может быть холодным, серым и бесчувственным. С другой стороны, это не должно быть тем, к чему люди привязывают такие определения как "духовный", или "мистический", или "святой". Если бы я смог только заглянуть, бросить один взгляд, то я бы употребил (я немного опасаясь употреблять их) другие определения. Яркий? Радостный? Смелый? Внимательный? Острый? Бдительный? Прежде всего, цельный. Абсолютно надёжный. Никакого вздора, когда это касается мёртвых.

И когда я говорю "интеллект", я имею в виду и волю. Внимание — это волевой акт. Разум в действии — это, в основном, воля. И для меня это и есть полное разрешение всех вопросов.

Незадолго перед концом я спросил её: "Ты могла бы придти ко мне — если это разрешается — когда придет моя очередь умирать?" "Разрешается!", — сказала она. "Если я окажусь в раю, меня трудно будет удержать, а если в аду, я там всё разнесу на куски". Она понимала, что мы говорили на условном мифологическом языке с некоторым элементом комедии. И она даже подмигнула мне сквозь слёзы. Но не было никакого мифа и ни тени шуток в воле, которая пронизывала всё её существо, в воле, которая глубже любого чувства.

Однако, хотя я уже меньше путаюсь в определении, что из себя представляет чистый разум, я не должен перегибать палку. Не следует забывать о воскрешении из мёртвых, хотя мы не понимаем, что это значит. Мы не можем этого постигнуть, что, наверное, и к лучшему.

Человечество уже раздумывало когда-то над вопросом, является ли последнее видение Бога актом любви или разума. Впрочем, это скорее всего очередной бессмысленный вопрос.

Не грешно ли призывать мёртвых вернуться, если бы такое оказалось возможным! Она сказала не мне, а исповеднику, — "Я в мире с Богом". Она улыбалась, но не мне. Poi si torno all' eterna fontana. Она припала к вечному источнику.